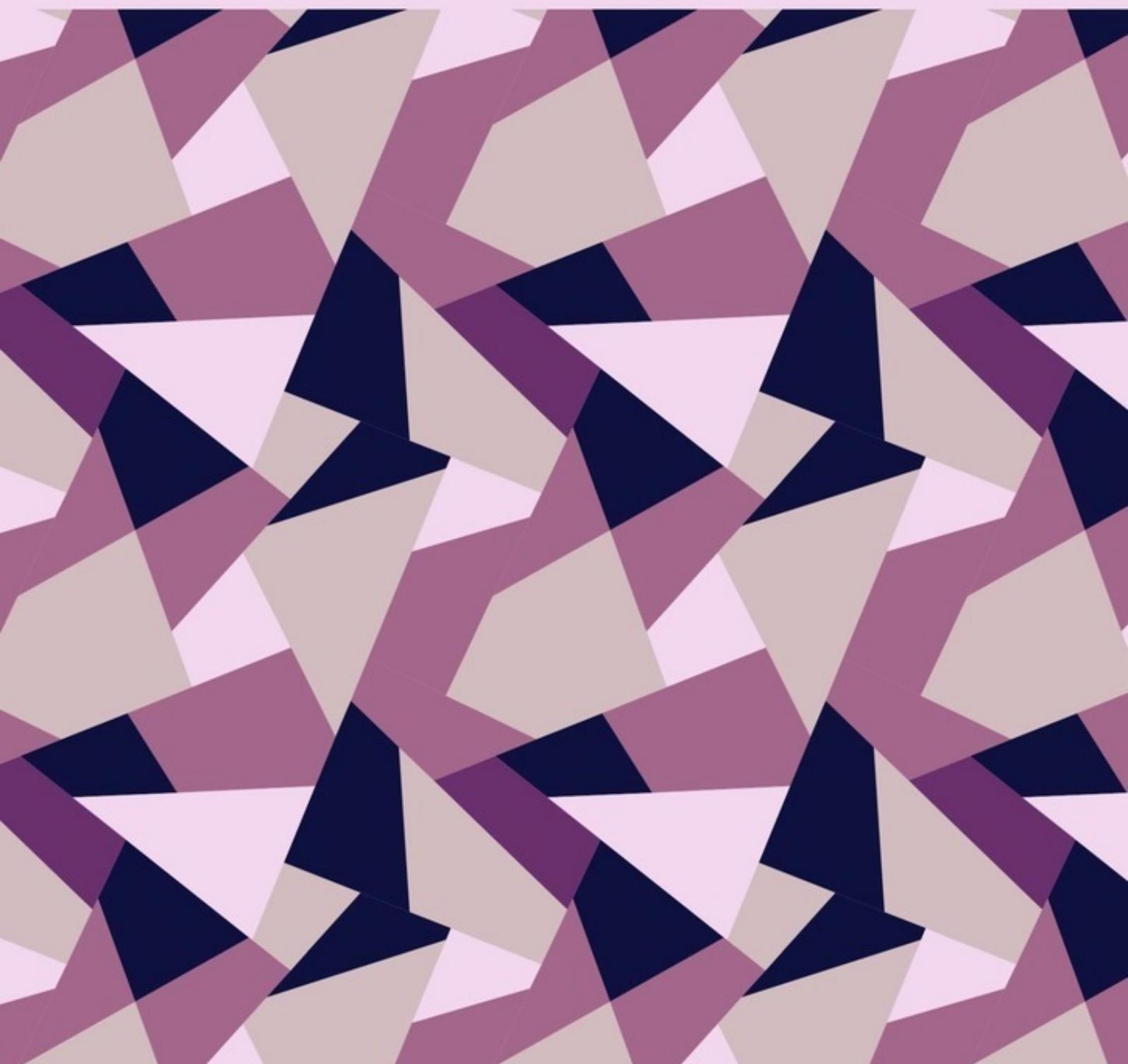

Владимир Сергеев
*Миротворцы шестого
континента*

Никто, кроме нас

Владимир Сергеев

**Миротворцы шестого
континента. Никто, кроме нас**

«Издательские решения»

Сергеев В.

Миротворцы шестого континента. Никто, кроме нас /
В. Сергеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966382-5

В конце тридцатых годов прошлого века немецкая экспедиция обнаружила в Антарктиде систему соединенных между собой пещер с теплым воздухом. Началось строительство базы номер 211, которую также называли Новой Швабией. Когда исход Второй мировой войны ни у кого уже не вызывал сомнения, в Антарктиду было эвакуировано большое количество немецких секретных предприятий, занимающихся разработкой новейшего оружия. Много людей волей судьбы оказались заперты в глубине ледяного континента...

ISBN 978-5-44-966382-5

© Сергеев В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Миротворцы шестого континента Никто, кроме нас

Владимир Сергеев

© Владимир Сергеев, 2019

ISBN 978-5-4496-6382-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Холод. Ветер гонит по небу свинцовые облака, которые убегают за горизонт и ныряют в ледяные волны Атлантики, такого же серого цвета. Весь здешний мир был какой-то чёрно-белый с различными оттенками серого. Вдалеке виднелось белое, покрытое вечными снегами побережье Антарктиды. В солнечные дни снег ослепительно блестел, так что было больно смотреть без защитных очков, но сейчас, под серым небом, он тоже становился каким-то тусклым, невзрачным. Единственное, за что мог зацепиться взгляд в этом тусклом чёрно-белом мире, были редкие постройки на берегу.

Несколько приземистых строений и армейские утеплённые палатки, тоже не отличались разнообразием цветовых решений, но на фоне первозданного снега, выглядели как тропические цветы. Эти постройки образовывали антарктическую исследовательскую базу Little America IV, которая была почти построена. Вообще, времени с момента прибытия Центральной группы кораблей в залив Китов, прошло всего ничего около двух недель, но по здешним меркам это не мало. В Антарктиде нельзя было, что-то делать долго, в том числе и строить – просто замёрзнешь.

Именно поэтому операция «Высокий прыжок» была оснащена всем необходимым для оперативной работы в этих экстремальных условиях. Средств в неё было вложено немеряно, причём финансирование осуществлялось из военного ведомства. Что-то было явно не то с этой операцией. Руководил экспедицией контр-адмирал в отставке Ричард Бёрд, знаменитый полярник, ещё в далёком 1929 году он первым в мире совершил на самолёте полёт над Антарктидой. Здесь вроде всё логично.

Но зачем обычной научно-исследовательской экспедиции такая мощная военно-морская эскадра. В состав её входили: авианосец, тринадцать кораблей различных типов, двадцать пять самолётов и вертолёт, более четырёх тысяч человек. Немногочисленные учёные терялись на фоне этой немаленькой армии. Командовал всей этой армадой кадровый военный контр-адмирал Ричард Крузен.

В прессе были лишь редкие заметки об этой экспедиции, в которых кроме общих фраз и лозунгов о покорении ледяного материка ничего не было. Нет, конечно, в них были озвучены цели экспедиции: создание антарктической исследовательской базы Маленькая Америка 4, обучение персонала и испытание оборудования в условиях холода, и прочее и прочее. Естественно, эти широко освещённые цели экспедиции выполнялись. База уже почти была построена, оборудование тестировалось, а также, постоянно взлетали гидросамолёты, по разным маршрутам, и фотографировали сверху белый континент.

Тем не менее, никто из рядовых, не посвящённых в государственные секреты, членов экспедиции не сомневался, что это далеко не все цели операции «Высокий прыжок». Всё перечисленное в прессе практически уже было достигнуто, но сворачиваться и отправляться домой никто не собирался. Всем участникам, ещё до отправки было объявлено, что уходим на полгода. Именно на такой срок и продукты загружены. А что же будет дальше, куда двинет эта мощная эскадра, с кем будем воевать?

Подобные мысли крутились в голове молодого капитана ВВС Джорджа Джонсона, который прогуливался по лётной палубе авианосца и курил уже третью сигарету. Ему было скучно, очень скучно. Вскоре после Рождества 1946 года они покинули базу Норфолк в штате Виргиния и второго января 1947 года вышли из Хэмптон-Роудс. В начале пути на судне царил всеобщее веселье. Лётный состав и техники уничтожали запасы спиртного прихваченного с собой, продолжали праздновать Рождество и наступивший Новый год.

Командование смотрело на это безобразие сквозь пальцы, так как полёты на начальном этапе экспедиции не планировались. Было, правда, несколько «счастливчиков», перебравших

сверх меры и попавшихся на глаза командиру, но отделались они довольно легко – несколько суток домашнего ареста в своих каютах. К двенадцатому января судно пересекло экватор и спустя пару недель достигло побережья Антарктиды. Большинство судов эскадры уже были на месте.

Джонсону было скучно, потому, что он был новичком на авианосце – попал на борт только перед самой экспедицией. Он не очень легко сходился с людьми, поэтому друзей в команде у него ещё не было. Нет, приняли его нормально. Бывший фронтовик-истребитель, имеющий немало сбитых немецких самолётов и несколько боевых наград за это, вызывал к себе уважение. Его приглашали в разные компашки, чтобы выпить виски, коньяк или русской водки, у кого что было. Но в его понятии это была не дружба, он лишь немного смог сблизиться со вторым лейтенантом Смитом и техником Джексонном.

Они также воевали во вторую мировую и принесли немало проблем немцам. У Смита был тоже не маленький список воздушных побед над асами Люфтваффе, а Джексон под обстрелом умудрялся снаряжать свои самолёты и выпускать их в небо. Настоящие лётчики знают, что от хорошего техника зависит твоя жизнь. Вот с этими двумя ему было приятно проводить время, а остальных он принимал как неизбежность, хотя скорей всего они были нормальными парнями. Возможно в будущем, когда он узнает их получше, часть из них станет его верными друзьями. Но торопить события в этом вопросе было не в правилах Джорджа.

Дома его называли Георгием, в честь Георгия-Победоносца. Это легко объяснимо, его родители эмигрировали в Европу, а затем в Америку из России, не приняв революционных перемен. Мама была из известной дворянской семьи, а папа был очень хорошим авиационным инженером. Скорей всего, он смог бы найти применение своим знаниям и у большевиков, но беспокоясь за мамину родословную, они всё-таки решили покинуть Родину. Немного поскитавшись по чужбине, они осели в Америке, где папа смог устроиться на один из авиационных заводов по своей специальности. Мама устроилась в колледж преподавателем французского и немецкого языка, так как знала их в совершенстве.

Именно в Америке в 1920 году на свет появился Джордж Джонсон, которого дома родители звали Георгием, а фамилия у них была Ивановы. Но, чтобы не осложнять жизнь сыну в новой стране, его записали на здешний манер. Джордж на радость родителей рос здоровым, спортивным мальчиком, хорошо учился в школе. Кроме английского свободно говорил на русском, так как дома родители говорили только на нём. По настоянию матери выучил и немецкий с французским. В сентябре 1941 года поступил в колледж, где работала его мама, но через два месяца его бросил и стал курсантом в Корпусе авиации Армии США.

Что подтолкнуло его к такому решению, он определённо не мог сказать до сих пор. Может любовь отца к небу, который из-за травмы ноги в детстве не смог стать лётчиком и выучился на инженера, чтобы быть ближе к авиации. А может разговоры родителей, которые, после нападения Гитлера на Россию в июне 1941 года, очень сильно переживали за свою покинутую Родину. А может молодой, полный сил Джордж просто понял, что спокойная гражданская жизнь, где-нибудь в юридической конторе, в окружении пыльных папок, не для него.

Как бы там не было, но уже через год после окончания базовой подготовки, он был направлен в специализированную лётную школу, где продолжил обучение на двухмоторных самолётах. К середине 1942 года его результаты в воздушной стрельбе настолько улучшились, что его перевели на одноместный истребитель и направили в 54-ю истребительную группу, которая под руководством Гилберта Замке сколачивалась в полноценную боевую единицу. В середине января 1943 года группа прибыла в Англию, через несколько недель получила все свои 46 штатных P-47 «Тандерболт» и весной начала боевые вылеты.

Так Джонсон начал участвовать во Второй мировой войне и внёс свой вклад в дело победы над фашизмом. Пусть он не летал над Родиной своих родителей, но сбивая немецкие самолёты в Европе, не давал им шансов бомбить и обстреливать Россию. За время войны он

не раз пересекался с русскими лётчиками, свободно общался с ними безо всякого акцента. Слушая их рассказы о зверствах немцев в России, он ни разу не пожалел о своём решении стать военным лётчиком. Несмотря на различия их стран, они стали настоящими друзьями, готовыми всегда прийти на помощь друг другу, так сказать подставить крыло.

Когда война закончилась, он попытался уйти из армии. Съездил домой к родителям, но через пару недель понял, что уже не сможет жить без неба. Причём полёты на гражданских тихоходных самолётах, он не воспринимал как настоящий полёт. Часто просыпался по ночам, пытаясь сбросить с хвоста «Мессершмитт 210», или заходя в хвост «Фокке-Вульф 190» и нажимая на гашетку. Вот это была настоящая жизнь, адреналин тёк рекой. Поэтому попрощавшись с родителями, мать всплакнула, а отец поддержал его решение, он вернулся в Норфолк, на базу ВМС, и продолжил службу.

Но любой лётчик иногда спускается на землю, именно в такой момент Джордж повстречал Джессику Смит. Симпатичную молодую учительницу из одной из школ города. Возможно, сказала принадлежность девушки к касте учителей, как его мама, они даже визуально были чем-то похожи. Может, повлияло банальное воздержание, у парня уже почти полгода не было секса, но их отношения развивались стремительно, и спустя неделю после знакомства перешли в горизонтальную плоскость. Через две недели они уже стали жить вместе в небольшой квартире, которую снимала Джессика.

В начале всё было чудесно, они прожили вместе почти полгода. Девушка была хорошей хозяйкой, достаточно начитанной, чтобы поддержать разговор на любую тему. Да и в постели, у них всё было хорошо. Но, видимо этого было недостаточно для Джорджа. Воспитанный в семье русских эмигрантов на классической русской литературе, он ждал чего-то большего. Какой-то вспышки, искры, потрясения, в общем он сам не знал чего, так как не испытывал ещё чувства любви, любви на всю жизнь. А, что она бывает, он знал, видя отношения своих родителей.

Поэтому через полгода, он стал тяготиться их отношениями. Уже не бежал стремглав, после службы домой, иногда без всякой надобности задерживаясь на аэродроме, или в баре с друзьями. А когда Джессика предложила ему на уик-энд съездить в Вирджиния-Бич и познакомиться с её родителями, а потом и решить о дне свадьбы, он понял, что надо что-то решать. Сказав ей, что пока не готов встретиться с её родственниками, на что она надула губки, он на следующий же день пошёл в штаб, где служил его фронтовой друг капитан Вильям Браун.

Вильям был отличным лётчиком, одно время они летали в паре: Джонсон ведущим, а Браун ведомым. Тогда Джордж был спокоен за хвост своего «Тандерболта», потом Браун сам стал ведущим, а Джорджу дали в пару молодого лётчика, только из лётной школы. Под конец войны Браун был подбит в воздушном бою, их пару атаковала шестёрка «Мессеров». Он чудом, на неисправном самолёте, перевалил через линию фронта и выпрыгнул с парашютом. Приземлился он уже без сознания прямо в окопы союзников. Русские быстро доставили сбитого лётчика в госпиталь, где ему сделали операцию. Когда он пришёл в себя, русский доктор, на плохом английском, сказал ему, что жить тот будет, а вот летать вряд ли.

Так оно и получилось. После выписки из русского госпиталя, он попытался уже у своих врачей пройти лётную комиссию, но вердикт их был однозначным – летать нельзя. Правда они не исключали, что через несколько лет, здоровье Вильяма придёт в норму, и он может повторно пройти комиссию. Возможно, это было сказано специально, чтобы успокоить молодого пилота, который не представлял своей жизни без неба. Тем не менее, в сердце Брауна поселилась надежда, он не ушёл из армии, а перешёл на службу в штаб, как он надеялся временно. Человек он был дотошный, очень исполнительный, к тому же холостой, благодаря чему, легко задерживался на службе сверхурочно. Такое рвение молодого офицера, фронтовика, повредившего здоровье в войне с фашизмом, было замечено начальством, и он сумел сделать неплохую карьеру в штабе.

Друзья частенько встречались в баре, после службы, и за кружкой пива, или рюмочкой виски вспоминали свои фронтовые вылеты и друзей лётчиков. Правда, после знакомства с Джессикой, Джордж, стал реже посещать их бар, но связь с другом не терял. Зайдя в штаб, Джонсон поднялся на третий этаж, где находился кабинет Брауна и, постучавшись, открыл массивную деревянную дверь. Кабинет у друга был не большой, но довольно уютный, секретарь ему тоже не полагался по должности, большое окно выходило на залив. Вильям вышел из-за стола и, протягивая другу руку поинтересовался:

– Что-то случилось, дружище?

– Да нет, Вильям, ничего серьёзного, – ответил Джордж, пожимая руку друга, – просто нужно поговорить.

– Конечно Джордж, присаживайся, – хозяин кабинета показал на небольшое кресло в углу у маленького столика, – что-нибудь выпьешь? Есть коньяк, виски, русская водка.

– Хорошо живёшь, но сейчас ничего не хочу, давай лучше вечером в нашем баре посидим, я угошаю.

– Ну, как знаешь, – невозмутимо ответил Вильям, – а насчёт бара договорились, вечером встретимся. А сейчас я тебя слушаю, ведь ты не просто зашёл поздороваться?

– Да нет, конечно, ты как всегда прав. Понимаешь Вильям, мне нужно на какое-то время уехать из Норфолка и отпуск мне не поможет, – вздохнув начал нелёгкий разговор Джордж.

– Я, хочу попросить тебя как друга и как штабного офицера организовать мне какую-нибудь командировку, лучше за границу.

– Позволь всё-таки узнать причину такого странного твоего желания, – задумался Вильям.

– Да всё банально. Джессика начала форсировать события в наших отношениях, хочет познакомить меня со своими родителями, говорит о свадьбе. А я, если честно, ещё не готов к семейной жизни. Понимаешь, как-то не представляю себя главой семейства и отцом маленьких крошек. Я не чувствую, что она моя вторая половинка на всю жизнь, нет такого ощущения счастья.

– Явно видны русские корни, – улыбнулся Вильям, – где американец просто женится, и если не любит свою жену – заводит любовницу. Русский терзается, ищет смысл жизни, причём не тот, что лежит на поверхности, а именно скрытый. Я читал Достоевского, Толстого, я немного тебя понимаю. Но почему ты не хочешь взять отпуск и уехать, допустим, к родителям.

– Тогда мне придётся брать её с собой, у неё тоже есть неиспользованный отпуск. Если я уеду один, она серьёзно обидится, а я не хочу, так кардинально, рвать наши отношения. Мне просто надо побыть одному, разобраться в своих чувствах. Возможно, я и женюсь на Джессике, только немного позже. В целом она не плохая девушка, хорошая хозяйка. Однако, мне нужно время подумать и как можно дальше от неё. Вот поэтому мне нужна командировка и желательно надолго, я думаю и ей, в моё отсутствие, нужно проверить свои чувства. А то мы как встретились, так ни разу ещё и не расставались. А классики, которых, ты, кстати, упомянул, считали, что чувства проверяются разлукой и я с ними согласен.

– Как говорят русские «сам не ам и другим не дам», – засмеялся Вильям, – а я, было, подумал подкатить к твоей Джессике, раз тебе она не нужна. Как раз неделю назад я расстался со своей подружкой.

– Шучу, шучу, – поспешил воскликнуть Вильям, заметив, что Джордж нахмурился, – не нужна мне твоя Джессика, я вообще в обозримом будущем жениться не собираюсь. А она у тебя слишком серьёзная для легкомысленных отношений.

Он ненадолго замолчал и уже совершенно серьёзно продолжил:

– Ну, что ж, друг, ты вовремя зашёл, есть у меня к тебе предложение. Сейчас срочно организуется научно-исследовательская экспедиция в Антарктиду. Руководить экспедицией, назначен Ричард Бёрд, слышал о нём, – Джордж кивнул, – а командовать оперативным соеди-

нением кораблей будет контр-адмирал Ричард Крузен. Я думаю, ты и о нём слышал. Эскадра собирается довольно внушительная, будет состоять из нескольких групп. Операция носит название «Высокий прыжок» и начнётся уже в конце августа. В центральную группу входит авианосец класса Эссекс – «Филиппинское море», капитаном на нём Делберт. С. Корнуэлл. Недавно от него поступила заявка на лётчика-истребителя, чтобы укомплектовать штат, авиационной группы. Если ты твёрдо решил съездить в командировку, я могу тебе помочь перевестись на это судно.

– Интересно, – проговорил Джордж, – а какие там самолёты? Я ведь на авианосец не садился ни разу, как-то не пришлось. Хотя попробовать всегда хотелось.

– «Медвежьих кошки», – посмотрев в бумаги, ответил Вильям, – а точнее одномоторный палубный истребитель Грумман F8F-1 Bearcat, знаешь такие?

– Да, конечно, хороший самолёт: максимальная скорость – 421 миля в час, четыре пулемёта Браунинг М2, калибра 12,7 мм, четыре 20мм пушки AN/M3, четыре неуправляемые ракеты. Но, мне на нём не приходилось летать, – ответил Джордж.

– Я знаю, как ты летаешь, поэтому уверен, что ты освоишь эту «кошку» за несколько полётов. Тем более время у тебя будет, – Вильям заглянул в бумаги, – по сценарию экспедиции авианосец покинет Норфолк только после Рождества. Подходит тебе моё предложение дружище?

– Более чем, а насколько по времени планируется эта морская прогулка?

– Продовольствия закупается из расчёта на полгода, так что время подумать о своих амурных делах у тебя будет, хоть отбавляй, – опять улыбнулся Вильям, и тут же согнав улыбку продолжил:

– Я знаю тебя много лет, поэтому должен предупредить. Мне, кажется, что-то не так с этой экспедицией. Для журналистов это обычная научно-исследовательская прогулка, с понятными и предсказуемыми целями. Но есть несколькостораживающих моментов. Финансирует её наше ведомство, а деньги, скажу тебе по секрету, не маленькие. Как ты думаешь, зачем учёным такое прикрытие из кучи военных кораблей, даже подводная лодка есть. Самолёты, вертолёты, а личный состав, больше четырёх тысяч. Они что собрались весь континент от снега очистить или небольшую войну организовать, только с кем?

Он поднялся и, подойдя к двери кабинета, поплотнее притворил её, затем продолжил:

– Самое интересное, что вся эта каша заварилась после окончания серии допросов командиров немецких подводных лодок «U-530» и «U-977» Вермаунта и Шеффера, сдавшихся аргентинским властям. Ну а допрашивали их, ты, конечно, догадываешься, совсем не аргентинцы. Вот такая скверно пахнущая история. Естественно, это только мои догадки, так как уровня моего допуска не хватает, что бы узнать истинные цели этой аферы. В любом случае, решать тебе, а я свою точку зрения высказал.

Некоторое время в кабинете царила тишина, которую первым нарушил Джордж:

– Спасибо за информацию Вильям. Я приму твои слова к сведению, но я всё-таки воспользуюсь этим шансом покинуть Норфолк. И дело здесь не только в Джессике. Понимаешь, мне необходимо сменить обстановку, я уже прокис на этой базе. Сплошная рутина, день изо дня, никакого адреналина. Знаешь, мне по ночам, иногда, снятся мои воздушные поединки во время войны. Вот там была настоящая жизнь, а сейчас сплошное болото.

– Ну, что же друг, это твоя жизнь и тебе решать, как её прожить. Раз ты уже решил принять участие в экспедиции Бёрда, вот тебе бумага, пиши рапорт о переводе на авианосец, – Вильям протянул другу чистый лист бумаги.

Через несколько минут Джордж покинул кабинет друга, напоследок напомнив тому, что вечером они должны встретиться в баре. Придя в своё подразделение, он предупредил своего командира, что подал рапорт о переводе на авианосец. Тот, немного поворчал, для порядка, так как Джонсон, своим рапортом прыгнул через его голову. Но он был нормальным парнем, тоже

повоевавшим во Второй мировой. Он сам никак не мог привыкнуть к мирной жизни и поэтому в душе понимал своего лётчика:

– Жаль, конечно, тебя отпустить капитан, ты действительно хороший лётчик, таких мало. Но я не собираюсь тебя удерживать, ты ещё молод и волен сам устраивать свою жизнь. Послужи на авианосце, возможно, это твоё, если не понравится – возвращайся, я всегда возьму тебя назад.

Вечером они хорошо посидели с Вильямом в баре, а на следующий день из штаба пришёл приказ о переводе капитана Джонсона на авианосец. Пришлось ему опять вечером идти в бар теперь уже с парнями из его эскадрильи. У него со всеми были хорошие, ровные отношения и они, узнав о его переводе, сами потащили его в бар прощаться. Они засиделись в заведении допоздна, правда, Джордж старался не увлекаться спиртным, так как завтра с утра ему нужно было явиться на авианосец и предстать перед начальством.

Утром он привёл себя в порядок и отправился к новому месту службы. Корнуэлл принял его в большом кабинете, совмещённом с капитанской каютой. Соблюдя необходимые формальности, он через адъютанта вызвал командира авиационного крыла командора Роберта Милнера. Тот, пока шли до кают, где располагались офицеры авиакрыла, коротко расспросил, где и на чём летал Джордж и передал его командиру эскадрильи Джеку Сноудену. Так началась служба капитана Джонсона на авианосце.

В первые дни у него, несмотря на отменное здоровье, буквально шла кругом голова. Авианосец был как большой муравейник, он с трудом на нём ориентировался. Ещё совсем новый, только запах краски выветрился, он поражал своей мощью. Спущенный на воду в сентябре 1945 года, он вступил в строй только в мае 1946 года, до сих пор продолжалась комплектация команды. Штат судна превышал три тысячи человек из них больше двухсот офицеров.

Через пару дней Джордж уже смог с грехом пополам ориентироваться в этом Вавилоне. Через неделю, приступил к тренировочным полётам на новеньком «Bearcat». Перед первым взлётом его долго инструктировал Сноуден:

– Взлёт у тебя получится легко, я не сомневаюсь. Он не намного труднее, чем с наземного аэродрома. Вот с посадкой, могут возникнуть проблемы. Конечно, корабль сейчас и стоит на месте, но полоса на палубе, естественно, не сравнима с наземной. Давай сделаем так, самолёт для тебя новый, ты взлетишь с палубы, а сядешь на наземный аэродром. Можешь даже несколько посадок совершить. Как почувствуешь себя уверенно садись на авианосец, договорились?

– Да сэр, я так и сделаю. Как почувствую самолёт, буду пробовать посадку на палубу, – уверенно ответил Джордж. У него было прекрасное настроение, наконец-то что-то новое, он уже чувствовал мандраж, значит, адреналин начал поступать в кровь. Он вчера вечером объяснился с Джессикой, сказал, что его перевели служить на авианосец, правда, умолчав, что это была его инициатива. Он предложил отложить поездку в Вирджиния-Бич к её родителям, мотивируя это тем, что ему необходимо освоиться на новом месте, изучить новый самолёт. Как ни странно, она легко согласилась с его доводами, никаких обид и надутых губок.

Он пока не стал говорить ей, что скоро уйдёт в экспедицию на полгода. Не всё сразу, но реакция девушки на его отказ от знакомства с её родителями немного озадачила Джорджа. Возможно, она почувствовала, что слишком торопит события и решила дать ему время всё спокойно обдумать, а может слегка охладела к нему. Как бы то ни было, он понял, что поступил совершенно правильно, сменив место службы. Усилием воли он прогнал посторонние мысли и сосредоточился на управлении истребителем. Его «Bearcat» уже стоял на старте на полётной палубе, разогревая двигатель.

Запросив у диспетчера разрешение на взлёт, и получив добро, он резко отпустил тормоз и ещё добавил обороты двигателя. Короткий разбег и его самолёт легко взмыл в небо, палуба осталась далеко внизу и продолжала стремительно удаляться. Сделав пару кругов над авиа-

носцем, он направил свой истребитель на наземный аэродром, где служил еще неделю назад, и легко совершил посадку. Не покидая взлётки, он развернулся и, перегнав самолёт в начало полосы, опять взмыл в небо. Сделав круг, уже над наземным аэродромом, он совершил ещё одну посадку и опять взлетел.

Ну, пожалуй, достаточно, он уже почувствовал все нюансы управления этой машиной. Управлялась она легко, откликалась на перемещение ручки весьма адекватно, хороший самолёт. Можно пробовать садиться на палубу. Он снизился и прошёл над авианосцем, имитируя заход на посадку, развернулся и начал уже реально садиться на лётную палубу. Лёгкий толчок и самолёт покатился по палубе, торможение и вот он остановился на конце взлётной полосы авианосца. К нему уже спешили техники.

Джордж заглушил двигатель, вылез из кабины и направился к стоящему в сторонке Сноудену.

– Нормально, капитан, – сразу заговорил тот, – ещё немного потренируешься, и будет совсем хорошо. Как самолёт, слушается?

– Да, сэр, хорошая машинка. Разрешите ещё сегодня потренироваться, – ответил Джордж.

– Давай, сейчас парни осмотрят самолёт, заправят, и можешь взлетать, до вечера ещё время есть.

Спустя неделю тренировок, Джордж уже уверенно садился и взлетал с палубы авианосца. Постепенно он запомнил имена всех офицеров авиакрыла, а с техником Джексонем и вторым лейтенантом Смитом даже подружился. Ну, а сразу после рождества авианосец покинул базу и взял курс на ледяной континент. При прощании Джессика рыдала в его объятиях, он даже слегка засомневался в своём решении поучаствовать в экспедиции, но нет, всё он сделал правильно. Если любит дождётся, а нет – значит не судьба.

Нет, Антарктида всё-таки не располагает к прогулкам, холод уже проник под куртку и начал стискивать тело в своих ледяных объятиях. Джордж выбросил очередную выкуренную сигарету и пошёл к трапу, по которому стал спускаться в тёплое нутро своего плавучего аэродрома. Впервые, за всё время экспедиции, у него появилось реальное желание принять во внутрь чего-нибудь согревающего.

Глава 2

Чёрт. Заметил или нет? А если заметил, сдаст или промолчит? Михаил смотрел вслед шедшему по проходу инженеру Миллеру, а мысли как загнанные в клетку птицы, метались в голове. Тем временем Миллер дошёл до ворот и покинул механический цех. Так, надо успокоиться. Михаил присел на металлический стул возле пульта управления своего станка. Допустим, Миллер заметил у меня нож и сдаст меня гестаповцам. Что мне грозит? Ну, конечно, побьют, будут пытаться, для чего сделал нож, кого хотел убить? Если сказать, что нож сделал для самозащиты или из любви к холодному оружию, вряд ли поверят. Скорей всего будут бить дальше, а это не вариант, здоровье нужно беречь.

Нет, надо что-то другое придумать. А что если сказать, что хотел убить реального человека, например Зайцева, бригадира, за то, что придирается, ругается, выработку занижает. Им на наши разборки наплевать, хоть каждый день друг друга бейте, лишь бы на работе не отражалось. Естественно за покушение на убийство по головке не погладят, но бить скорей всего сильно не будут. Дня на три в карцер сунут и успокоятся, ну и нож конечно отберут. А что, может прокатить, надо только Семёныча предупредить, а то он человек простой ещё обидится и ляпнет что-нибудь.

Он поднялся со стула и поискал глазами бригадира, тот стоял возле своего станка и внимательно смотрел на обрабатываемую деталь. Михаил не откладывая подошёл к нему и объяснил ситуацию.

– Едрит твою на лево, – заругался тот, – Мишка, ты своей смертью не умрёшь. Угораздило тебя.

– Не ссы бригадир, – довольно резко ответил Мишка, – все там будем. А работать до старости на немцев я и не собираюсь. Они наши города бомбили, наших мужиков миллионами убивали, а женщин насиловали и тоже убивали, а я буду за ихнюю кормёжку на них пахать и радоваться. Ты, что Зайцев добровольно в плен сдался, что ли?

– Да ты, что Миша такое говоришь, – возмутился бригадир, – меня под Сталинградом контузило, так без сознания в лагерь и попал. Только там и очнулся, у меня и свидетели есть. Никита Збруев из литейки со мной в лагере был, может подтвердить.

– Ладно, Семёныч, не кипятись, верю я тебе, но если, что спросят, говори на меня гадости, что хреново работаю, что ты меня постоянно ругаешь, ну в общем, подыграй мне. Авось и обманем немчуру, ну ладно, пошёл я, – Михаил поспешил к своему станку, как раз нужно было поменять инструмент.

Остановив станок, он быстро проделал необходимые операции и вновь нажал на кнопку пуска. Немного понаблюдав за процессом обработки и убедившись, что всё идёт как надо, он вновь присел на стул и погрузился в раздумья. А если Миллер не заметил нырнувший в рукав спецовки клинок, всё-таки Михаил тоже не пальцем деланный. Хотя подошёл тот очень тихо, Михаил лишь в последний момент увидел тень, на покрытом въевшимся маслом полу. Ну, а вдруг всё же не заметил? Блин, маловероятно.

А если заметил, но промолчит. Никому не скажет. Он работает с Миллером уже больше двух лет и замечал в нём какие-то отличия от других немцев. Инженер никогда не кричал на пленных рабочих, не говоря о том, чтобы поднять на них руку. Всегда был спокоен, сдержан, даже когда кто-то из рабочих портил сложную деталь. Он лишь по-человечески расстраивался и просил рабочего переделать брак. Именно просил, а не приказывал, хотя имел на это право. Вообще он был какой-то странный, не похожий на остальных.

Ещё достаточно молодой, не больше тридцати лет, он был очень хорошим инженером, его уважали даже более старшие специалисты. Он был по-настоящему культурным человеком, всегда здоровался с пленными рабочими, всегда старался помочь им разобраться с чертежами,

выбрать нужный инструмент и режимы. По правде сказать, на базе было много таких молодых учёных, которые считали пленных за людей, а не за рабочую скотину. Лишь немногие из учёных и инженеров, в основном старшего поколения, подражая гестаповцам, всячески унижали пленных. Старались всеми способами усложнить им жизнь.

Были и такие, которые просто не замечали пленных, как будто это не живые люди, а роботы, которые копошатся вокруг, делают какую-то работу, но внимания господ не заслуживают. Таких было достаточно много, но всё же меньше чем нормальных спецов типа Миллера. В целом, жить на базе было можно, но плен есть плен, а немцы это немцы. Именно они пришли на нашу землю, убили Димку – старшего брата Михаила, да и друзей у него полегло не мало на различных фронтах Великой Отечественной.

Михаил Светлов родился в провинциальном сибирском городке в 1922 году в простой рабочей семье. Мама работала медсестрой в больнице, а отец шоферил. Закончив школу, кстати, без троек, он не пошёл в институт, а отнёс документы в ФЗУ, при недавно построенном авиазаводе. Он любил работать руками. Ещё в школе мастерил разные модельки самолётов и другой техники, сам изготавливая для них детали. Через два года он с отличием окончил училище, получив редкую специальность токаря-карусельщика и направление на завод.

К тому времени старший брат Дмитрий уже служил срочную службу в РККА, где-то под Харьковом в пехоте. Миша устроился на завод и настроился весной также уйти на срочную службу, отдать свой долг Родине. Но весной повестку ему принести уже не успели, слишком поздно закончил учёбу, призыв уже состоялся. А в июне Гитлер напал на СССР, началась Великая Отечественная война.

Он сразу пошёл в военкомат, но оказалось, что работники авиазавода имеют бронь, так как завод выпускал военные самолёты. Поначалу он расстроился, но Петрович, мастер в цехе, на участке, которого он трудился, быстро его успокоил:

– Не вешай голову Миша, теперь твоя передовая здесь, чем больше ты сделаешь качественных деталей, тем больше завод соберёт самолётов и отправит их на фронт. А там уже Сталинские соколы дадут фашистам жару. Так, что выше голову парень, надо работать, как никогда раньше.

И Миша работал. Он часто даже на ночь оставался в цеху, прикорнув на лавке возле станка. Постепенно он набирался опыта, оттачивал своё мастерство. Детали у него получались очень качественные, да и норму он выдавал всегда повышенную. Мастер часто ставил его в пример. Вскоре к ним на завод эвакуировали аналогичный завод из Москвы. Станки ставили прямо под открытым небом, подключали и делали продукцию, а уже потом мастерили стены и крышу. Приехало очень много высококлассных специалистов, у которых было чему поучиться. И молодой рабочий впитывал знания как губка, порой обходя в дальнейшем своих учителей.

Но война на то и война, чтобы приносить людям страдания и горе. Пришло оно и в Мишину семью. В начале 1943 года почтальон принёс похоронку на Дмитрия. И Миша не выдержал, молча взял из рук плачущей матери зловещий клочок бумаги и пошёл вначале на завод, а потом в военкомат. Парню пошли на встречу и вот теплушка, с раскалённой до красна буржуйкой, которая везёт его на Запад. Пару недель в учебной части, где они лишь успели изучить оружие и немного пострелять и вот он фронт. Но, спасибо и на этом, иногда пополнение прямо с поезда попадало в окопы, и учиться приходилось уже в бою.

Воевал Миша вдумчиво, основательно без лишней суеты, впрочем, повоювать ему долго не пришлось. В одном из боёв, за небольшой городок, который в течении суток уже несколько раз переходил то к немцам, то к нашим. В развалины дома, где залегли Миша и его товарищ, из отделения, Сашка Иванченко, немцы умудрились забросить аж две гранаты. Очнулся молодой боец уже в плену. Городок опять перешёл к немцам. У него ужасно болела голова, а уши как будто ватой были заткнуты. Правый рукав напитался кровью, а при движении рукой –

плечо пронизывала резкая боль. Он с трудом сел на солому и привалился к стене. Перед глазами плыли разноцветные круги. Сашке видимо повезло меньше, так как среди пленных его не было. Бросить товарища, в тех развалинах, он бы не смог, точно бы вытащил Мишу к своим.

Эх, хороший был парень, Миша с ним ещё в учебной части подружился. Теперь у парня счёт к фашистам стал ещё больше, а он даже за брата не успел поквитаться. Когда цветные круги и пятна перед глазами исчезли, он смог оглядеться. Их было человек двадцать, угодивших в плен в бою за этот городок. Держали их в каком-то сарае, без окон, но в стенах было достаточно щелей, через которые проникали лучики света. Увидев, что он очнулся, к нему подошёл пожилой солдат, с забинтованной головой, через бинт уже выступила кровь.

– Как дела парень? – спросил тот, присаживаясь рядом, – вижу, очухался.

– Голова сильно болит, тошнит, того гляди вырвет, и плечо немного болит, – ответил Миша.

– Ну, с головой всё ясно – контузия у тебя, а плечо давай посмотрим, скидывай телогрейку. Я немного соображаю, при госпитале довелось послужить, после ранения – сказал боец, помогая Мише снять телогрейку, – меня, кстати, Кузьмой зовут.

Он разорвал рукав гимнастёрки, осмотрел рану и, достав из-за пазухи бинт и пузырёк с йодом, обработал рану и наложил повязку. Затем помог Мише вновь натянуть телогрейку, того уже бил озноб, даже зубы стучали.

– Вроде ничего страшного, кость не задета, артерии тоже, только мясо. Ну, а мясо нарастёт, лишь бы заражения не было. Ну, дай бог пронесёт. Там в углу я лёд видел, сейчас тебе кусок принесу, ты к голове приложи, немного легче станет, – сказал Кузьма и поднявшись пошёл в угол сарая.

Через какое-то время он принёс небольшую сосульку. Миша приложил её к виску и сразу почувствовал облегчение, даже «вата» из ушей как будто исчезла. Он поочерёдно прикладывал льдинку то к одному виску, то к другому, то ко лбу. Конечно, она быстро растаяла, но парень почувствовал себя намного лучше. Теперь он даже смог подняться, и сам сходил в угол сарая за следующей сосулькой. Спустя пару часов дверь в сарай распахнулась, и в проёме возник немец с автоматом. Он махнул рукой, показывая, что надо выходить и отошёл в сторону.

– Шнель, шнель, – закричал немец в дверной проём и пленные потянулись к выходу.

Их построили в небольшую колонну и погнали по дороге. Сопровождали их всего четверо солдат, правда, один был с собакой. Здоровой немецкой овчаркой, которая норовила сорваться с поводка и вцепиться в мясо этих русских. В больной голове Михаила сидела только одна мысль – бежать, но он настолько плохо себя чувствовал, что едва смог идти. Хорошо, что Кузьма, поддерживал его под здоровую руку. Но молодой организм медленно, но восстанавливался, и Миша постепенно шагал всё уверенней. Часа через два они пришли в какой-то посёлок.

Их загнали за огороженный колючей проволокой кусок земли, на котором стояла пара барачков. Видимо в них были печки, так как из трубы вился дымок. На территории никого не было видно, и они пошли к одному из барачков. Конвойные, которые их привели, закрыли ворота, и ушли вглубь посёлка. По углам огороженного участка стояли деревянные вышки, на которых по двое дежурили немцы. На каждой был прожектор и пулемет, направленный на бараки.

Барак был полон военнопленных, люди даже не могли лечь на нары, сколоченные из досок. Сидели плотно, плечом к плечу. Посредине топилась печка, сделанная из железной бочки. Пахло грязными портянками, кровью и гниющей плотью, но было достаточно тепло. Они разделились на две половины, и часть перешла в соседний барак. А оставшиеся с трудом, но смогли найти себе места. Люди старались расположиться поближе к печке, от которой шло живительное тепло, а вдоль стен было намного холоднее, но зато и намного свободнее. Миша с Кузьмой нашли место в углу сарая, доски здесь были покрыты ином.

от времени пробираться к печке и отогреваться. Так прошёл остаток вечера и ночь. Никто их не кормил, иногда люди умирали и их выносили на улицу и складывали возле стены барака.

Утром на территорию лагеря заехала машина и привезла полевую кухню, похоже нашу, захваченную немцами. Два немца отцепили её от машины, выкинули из кузова два ящика с солдатскими котелками и ложками, залезли в кабину и выехали за ограждение. Пленные, робко, косясь на вышки, потянулись к оставленной кухне. Самые шустрые расхватили котелки и принялись набивать их кашей из бачка. Каша, конечно, была остывшей, но голодным людям было всё равно. Начали вспыхивать драки, за посуду, за место возле котла. Внезапно раздался мощный командирский голос, расталкивая всех, на прицеп взобрался молодой капитан. Его страховали и помогали расталкивать народ два крепких бойца.

– Бойцы, вы что творите, вы же люди, советские люди, – зазвучал его гневный голос, – слабых отталкиваете, раненых, лишь бы самим пайку урвать. Несколько дней как в плену, а уже человеческий облик потеряли. Вы, как звери скоро друг другу глотки рвать начнёте на потеху фашистам, вон они на вышках смеются над вами. Сейчас все выстраивайтесь в очередь, причём о раненых не забывайте, а мы будем накладывать кашу, вначале совсем понемногу, чтобы на всех хватило. Кто поест, посуду передавайте в очередь. Если каша ещё останется, встанем в очередь по второму кругу. Всем понятно?

Он выждал пару минут и прыгнул на землю. Люди молча стали выравниваться в очередь.

– Давай Зайцев начинай раздачу пищи, – кивнул он одному из бойцов с которыми проталкивался к полевой кухне, и который во время речи командира закрыл котёл и уселся на него сверху.

Миша встал в очередь вместе с Кузьмой и через некоторое время получил несколько ложек холодной каши. Съев свою порцию за две минуты он передал котелок стоящим в очереди и отошёл к барaku. Бежать, надо бежать. Он чувствовал себя уже довольно сносно. Голова ещё болела, но уши уже были в порядке, да и головокружение прошло. Плечо ныло тупой болью, но он уже научился не обращать на неё внимания. Немцы на вышках с интересом смотрели на пленных, обмениваясь редкими фразами, но уже не смеялись, как вначале, когда люди кинулись к кухне. Представления не получилось.

Нет, днём сбежать не реально, нужно посмотреть ночью, как здесь всё освещается. Но ночевать ещё одну ночь в этом временном лагере им не пришлось. Вскоре после того как каша закончилась к воротам подкатила машина полная немцев, были здесь и собаки, четыре овчарки, которые злобно лаяли вырывая поводки из рук солдат. Солдаты открыли ворота и стали выстраивать пленных в колонну, в этот раз с ними был офицер, который на ломаном русском выкрикивал команды для пленных. Когда все были построены в колонну, по паре солдат зашли в бараки и там раздались короткие автоматные очереди. Добивали раненых, которые не могли идти.

– Идём на станцию, десять километров. Вышел из колонны на один шаг расстрел, отстал на один шаг расстрел, упал расстрел, – на ломаном русском прокричал офицер, проходя вдоль колонны.

По бокам колонны заняли места немецкие солдаты, собак тоже разделили поровну – по две на каждую сторону. Колонна двинулась, а офицер залез в кабину грузовика, который тронулся следом за колонной. Мельком оглянувшись, Миша увидел, что в кузове грузовика стоит солдат, установив на крышу кабины пулемёт. Шли достаточно быстро и часа за два добрались до станции. Несколько самых слабых и раненых бойцов остались лежать на дороге с простреленной головой. Вначале им пытались помогать, поддерживали, брали под руки. Но, когда конвоиры застрелили, вместе с раненым, ещё двоих вполне крепких бойцов. Они тащили его под руки, но всё же мешали движению колонны. Помогать слабым перестали. Да и сами, ослабленные ранениями пленные, отталкивали помощников. Из последних сил, пробирались они на край колонны и выходили из неё. Чтобы тут же получить свою пулю.

Когда поредевшая колонна достигла железнодорожной станции, их сразу погнали к стоящему на путях товарняку. Выстроив вдоль состава, конвоиры стали загонять их в вагоны. Надо бежать. Сейчас кинусь под вагон и выскочу на ту сторону, там стояли другие составы, может получится затеряться. А ночью буду пробираться к линии фронта. Мысли мелькнули в голове, и Миша напрягся, приготовившись к рывку. Но его опередили, видимо не ему одному пришла такая мысль. Идущие впереди на посадку два красноармейца кинулись под вагон и тут же на той стороне раздались автоматные очереди. Оказалось, немцы выставили с той стороны состава цепь автоматчиков, видимо у них был уже богатый опыт погрузки пленных в вагоны.

Через несколько дней они достигли Германии. В дороге их кормили только раз в день жидкой баландой, поэтому наиболее слабые пленные не смогли пережить дорогу. Трупы их вытаскивали из вагонов на каждой остановке. Миша тоже сильно ослаб и мечтал уже об одном – скорей бы всё это закончилось. В голове уже не было никаких мыслей, сплошная пустота и апатия. Мысли о побеге тоже уже не приходили. Он понимал, что в таком состоянии просто не в силах далеко убежать. Пристрелят сразу. А может кинуться на солдат и прекратить это скотское существование. Он уже не ждал ничего от жизни, но неожиданно ему повезло.

На одной из остановок, последние два вагона отцепили от состава. Он как раз был в предпоследнем вагоне. Их прицепили к другому паровозу и повезли куда-то в сторону от основной магистрали. Ехали в этот раз совсем недолго, всего два три часа. Когда двери вагона открылись, и они стали выгружаться из вагонов, Миша заметил, что они находятся в каком-то большом тоннеле, хорошо освещённом. Огромные ворота, через которые они сюда и попали, были наглухо закрыты. Их погнали по другому, уже гораздо меньшего размера, тоннелю. Через несколько минут они оказались в довольно большом помещении, уставленном трёхэтажными деревянными нарами, и без сил попадали на них.

Как ни странно их пару часов никто не тревожил, а потом появился офицер в сопровождении двоих автоматчиков и на ломаном русском приказал выходить в коридор и строиться в колонну по трое. Когда они выполнили приказ, их повели дальше по коридору и загнали в ещё большее помещение, уставленное длинными деревянными столами и лавками. Здесь одуряюще пахло пищей, оказывается, это была столовая для военнопленных. Приказали садиться за столы, вскоре появились люди в чёрной робе с бачками и железными мисками и стали разносить по столам еду. Оказалось тоже военнопленные, так как они шёпотом выспрашивали кто-откуда, искали земляков.

Сосед Миши, шёпотом спросил одного из них, что это за место, куда мы попали. Тот, так же тихо рассказал, что это немецкий подземный, авиационный завод. Немцы его постоянно расширяют и им нужны пленные для тяжёлых работ по прокладке туннелей. Кормят здесь неплохо, но всё равно люди долго не выдерживают, так как работа очень тяжёлая. А ещё иногда бывают обвалы в новых проходках и люди гибнут пачками. Некоторым, кто до войны работал на станках, удаётся попасть на работу в цеха, там намного легче, норму выполняй и всё. Но берут туда только хороших специалистов, сами инженеры немецкие их проверяют. Пленный закончил раскладывать пищу и отошёл к другому столу.

Кормили здесь действительно сытно. Миша съел свою порцию баланды и впервые за много дней он почувствовал сытость и тяжесть в желудке. После еды их повели в большую душевую, где каждому выделили по кусочку чёрного вонючего мыла и новую чёрную робу. Он с удовольствием помылся чуть тёплой водой, переделся в робу и почувствовал себя ещё лучше. После помывки, их опять построили в коридоре и распределили по бригадам, тут же вписывая на белый лоскут ткани, пришитый к робе, номер бригады и личный номер пленного.

Михаил попал в десятую бригаду. Бригадиром был здоровый мужик лет сорока густо заросший чёрной бородой. Когда-то он был сержантом артиллеристом, а ещё раньше шахтёром из Кемерово. Звали его Никита Петрович и держал он свою бригаду в ежовых рукавицах, заставляя всё время проверять крепь и всячески соблюдать технику безопасности. Может

поэтому у него в бригаде ещё не было ни одного обвала, а может просто судьба к нему благоволила. Миша никогда не бегал от работы, поэтому он довольно легко влился в коллектив бригады.

Так началась его жизнь на подземном немецком заводе, далеко от родной земли. Он быстро понял, что сбежать отсюда невозможно, да и мужики в бригаде это подтвердили. На поверхность их никогда не выводили, максимум, изредка их гоняли разгружать вагоны в том тоннеле, куда их привезли со станции. Но при этом ворота на поверхность всегда были наглухо закрыты, а вокруг стояли солдаты с автоматами. И всё-таки ему повезло. Правда, понял он это много позже, когда один из немецких инженеров сказал, что состав, от которого отцепили их крайние вагоны, дальше проследовал до городка Веймар, а оттуда в концлагерь Бухенвальд. В нём смертность заключённых была на порядок выше.

Здесь конечно тоже был далеко не курорт, но руководство завода всё же бесцельно не уничтожало пленных. Возможно потому, что их просто стало меньше, чем вначале войны, и каждая новая партия пленных доставалась им всё труднее и труднее. Однажды, возвращаясь в барак после смены, он неожиданно увидел в открытые ворота механический цех. Сколько раз они уже проходили этим тоннелем, но ворота всегда были закрыты, а тут нараспашку. Он непроизвольно замер на месте и открыв рот, смотрел на такие знакомые станки: токарные, фрезерные, шлифовальные. Вдыхал запах машинного масла, охлаждающей жидкости и нагретой стружки. Он как зачарованный, как лунатик двинулся к воротам цеха, забыв, где находится.

– Что Иван, станки понравились? – на ломаном русском, спросил его немец, подходивший к воротам со стороны цеха. Он был не молод, худощав, в синем выглаженном халате, на носу круглые очки в металлической оправе. Видя ошарашенный взгляд парня, он просто не смог пройти мимо. В руках он держал стопку бумаги, из нагрудного кармана торчал красный карандаш. Миша даже не сразу понял, что он к нему обращается, а потом, вспомнив всё, чему его учили в школе и в училище на уроках немецкого, с трудом произнёс:

– Меня зовут Михаил. Я работал на таких станках до войны.

В глазах немца появился интерес, он даже, жестом руки, остановил подскочившего Никиту, который хватился своего отставшего работника.

– Пойдём со мной Михаэль, – также с трудом произнёс немец, приглашающе махнул рукой и первым двинулся обратно в цех.

Миша, всё также с любопытством вертя головой, двинулся за ним. Они подошли к одному из токарных станков, и немец похлопал по плечу, склонившегося над ним мужчину в чёрной спецовке. Тот повернулся и глянул на немца, сквозь забрызганные охлаждающей жидкостью, защитные очки. Потом снял их и положил на тумбочку возле станка. Немец что-то быстро заговорил на своём языке, иногда кивая на Мишу. Здесь уже знаний языка, приобретённых в школе, было явно недостаточно. Миша лишь улавливал отдельные слова, хотя и так понятно было, что речь идёт о нём.

– Господин инженер спрашивает, на каких станках ты работал в Советском Союзе, на каком конкретно заводе. Какой у тебя был разряд и стаж работы на станке. С каким металлом тебе приходилось сталкиваться? – перевёл токарь речь немца, с интересом глядя на Мишу.

Михаил стал не торопливо отвечать на вопросы, а мужик переводить. Когда он закончил, немец сказал всего несколько слов и первым двинулся в глубину цеха.

– Он хочет посмотреть, что ты умеешь, – перевёл мужик, – у нас есть карусельный станок, но чистого карусельщика нет. Так работают обычные токаря, делают, что попроще, а для серьёзных деталей немцы привозят своего специалиста с другого завода. Пошли за ним, он к станку пошёл.

Они пошли вслед за немцем. Станок оказался вполне знакомым у низ на заводе был такой же. На нём уже была установлена заготовка, по виду из алюминиевого сплава. Немец протянул Мише чертёж и кивнул на ящик с ячейками, в котором стояли различные резцы

и другие инструменты. Рядом на тумбочке лежали измерительные инструменты. Здесь уже можно было ничего не говорить, и так было всё понятно, но немец всё же сказал несколько фраз и протянул Мише свёрнутый лист бумаги.

– Заготовка из сплава алюминия с кремнием – силумин, – перевёл токарь, – если что-то непонятно в чертеже спрашивай, и можешь начинать. Ну, удачи тебе парень, – добавил он уже от себя.

Миша внимательно рассматривал чертёж, параллельно выбирал из ящика инструменты и выкладывал их в ряд на тумбочке. Немец не сводил с него глаз, но Миша уже ничего не замечал вокруг. Он попал в родную стихию. Проверив, как закреплена заготовка, он включил станок и погрузился в работу. Через час он выключил станок, окончательно померил инструментом размеры готовой детали и повернулся к немцу, вытирая руки ветошью.

– Готово, принимайте работу, – уверенно произнёс он, отходя от станка и уступая место немцу. А тот, не дожидаясь перевода, уже схватил штангенциркуль и приступил к замерам, изредка кидая взгляд на чертёж. Потом очередь дошла до микрометра. Спустя несколько минут, немец, наконец, выпрямился и отошёл от детали. Он протянул руку Михаилу и, широко улыбаясь, быстро заговорил.

– Отличная работа парень, – начал переводить токарь, – инженер, кстати, его зовут Пауль Шмидт, очень доволен. Говорит, давно не встречал такого специалиста. Считай тебе повезло, он сегодня же заберёт тебя из твоей бригады в нашу. У нас условия получше и кормёжка тоже. Он спрашивает как твоя фамилия, номер бригады и твой номер он уже с робы переписал.

– Михаил Светлов, – ответил Миша и положил ветошь на тумбочку, – слушай, как тебя?

– Василий Банщиков, токарь. Я сам Рязанский, под Москвой в плен попал – ответил тот.

– Вася, а тебя не смущает, что ты делаешь детали для немецких самолётов, которые бомбят нашу Родину и сбивают наши самолёты? – гневно спросил Михаил.

– А у нас выбор не большой. Не будешь детали делать, пойдёшь в проходческую бригаду, а не захочешь и там работать к стенке или в Бухенвальд, что почти одно и то же, только с небольшой отсрочкой. А насчёт самолётов, то хрен ты угадал, это экспериментальный завод. Немцы здесь не делают серийных самолётов, они какие-то новые летательные аппараты изобретают, я случайно видел чертёж общего вида, на диск похожие. В середине утолщение, видимо там лёгчик сидит. Не знаю, летают они уже или нет, но на фронте таких точно никто не встречал. Я с народом общался, в том числе и с недавно прибывшими. Не известно, получится, что у них или нет, а жить хочется, и живым ты ещё можешь, годишься своей стране, а мёртвым уже точно нет. Сожгут в печке, и даже пепел над своей, немецкой, землёй развеют. Так, что решать тебе, и побыстрей, видишь, Шмидт уже волнуется.

Немец действительно нетерпеливо переступал на месте. Неизвестно, понял он что-нибудь из их короткого разговора на русском, но по-прежнему продолжал улыбаться.

– Хорошо, я согласен, поработаем, а там видно будет, – глядя инженеру в глаза произнёс Миша.

Так он стал работать по своей гражданской специальности на немецком засекреченном опытном заводе. Специалисты и правда жили неплохо: кормили прилично, смена продолжалась не больше десяти часов, один день в неделю давали отдохнуть. Миша в Союзе работал больше, когда началась война, чем здесь, но там он был свободен, а здесь заперт под землёй, без надежды, когда-нибудь выбраться из подземелья. Он давно уже понял, что отсюда не бежишь, пока не устранишь охрану. Поэтому со временем, перезнакомившись со многими узниками, он начал, как всегда не торопясь, вдумчиво, организовывать подпольную организацию. Сплачивая вокруг себя надёжных людей, так же как он, не оставляющих надежды вырваться на свободу.

К сожалению, их мечтам не суждено было сбыться. Из подземелья он, правда, вышел, точнее, выехал в вагоне под усиленной охраной, но ненадолго. В конце 1944 года их завод

срочно эвакуировали, наши войска уже всю теснили немцев. Их вывезли в закрытых вагонах, привезли в порт и загнали в трюм корабля, а спустя некоторое время они покинули корабль, сойдя на пирс уже в Антарктиде. И снова их загнали под землю, здесь они несколько месяцев занимались монтажом станков вывезенных из Германии. Когда всё было смонтировано, и отлажено, завод вновь приступил к работе, но уже на другом континенте.

Миша уже хорошо знал немецкий, и однажды, подслушав разговор двух инженеров, понял, что война уже закончилась, Германия проиграла. Но он всё так же оставался несвободным, а сбежать отсюда было совсем нереально. Значит надо полностью захватить всю немецкую базу, перебить охрану и всех сопротивляющихся немцев. И тогда, на их огромных подводных лодках, которые он видел и сам разгружал в огромном подземном гроте, покинуть ледяной континент и направиться к родным берегам.

Но пока это были только мечты. Вместе с эвакуированным заводом Германию покинули далеко не все пленные, скорее даже меньшая их часть. Даже значительная часть специалистов осталась в Германии. Не понятно, чем руководствовались немцы, но из их подполья на Антарктическую базу попали лишь единицы. Придётся всё начинать сначала. Кроме их опытного завода, из Германии было эвакуировано еще семь подобных предприятий, на которых тоже использовался труд военнопленных. Были здесь и проходческие бригады, которые непрерывно расширяли площадь базы, используя горнопроходческое оборудование и огромные фрезы для проходки тоннелей.

В общем, пленных было много, есть с кем работать, в плане освобождения. Но необходимо быть предельно осторожным. Немцы тоже стали умнее, особенно сейчас, после проигранной войны. На свою секретную базу номер 211, которую они ещё называли Новой Швабией, они вывезли только выдающихся специалистов в разных областях. В том числе и из тайной государственной полиции сокращённо – гестапо. Те, быстро объединились с армейскими частями, осуществляющими охрану базы, и подмяли их под себя. Теперь без их ведома на базе ничего не могло произойти. Боялись с ними связываться даже немецкие инженеры и учёные, которых тоже на базе было немало.

Но смириться со своей участью Михаил не мог, впрочем, как и большинство, военнопленных разных национальностей. Оглядевшись, и используя своих друзей, попавших вместе с ним на эту базу, он начал потихоньку организовывать новое подполье. Осторожно вовлекая в него всё новых членов. И сейчас, спустя два с лишним года это уже была серьёзная организация, в которую входило подавляющее большинство военнопленных. Некоторые горячие головы из руководства подполья выступали за немедленное восстание, но Михаил считал, что время для этого ещё не подошло.

Он хотел завести друзей, или хотя бы лояльных к ним людей в среде инженеров и учёных. Ему казалось, что это вполне реально, так как большинство молодых учёных достаточно прохладно относились к идее создания четвёртого рейха. Он слышал их разговоры, в которых они мечтали прославить свою страну научными достижениями, а не подвигами на поле боя. После войны и поражения Гитлера, принёсшего горе практически в каждую немецкую семью, большинство немцев охладели к идеям мирового господства. Они хотели мирной, спокойной жизни.

Миша тоже был против лишнего кровопролития. Конечно, с солдатами, а тем более с офицерами договариваться бесполезно их придётся уничтожить, всех, кто окажет сопротивление. Но убивать учёных, среди которых было немало женщин, он не хотел. Хватит уже крови. Михаил отвлёкся от воспоминаний, поднялся со стула и снова поменял инструмент, померил деталь и вновь включил станок.

Что же всё-таки делать с Миллером, видел он нож или нет? Прятать почти готовый клинок он не стал. Просто сунул подальше на полку, в тумбочку. А какой смысл? Если инженер доложит в гестапо, те всё равно перевернут всё вверх дном и не успокоятся, пока не найдут

нож. Будут бить, пока не выдам, а так найдут, практически на виду, может, и поверят в его историю с покушением на Зайцева. Надо подтолкнуть их к мысли, что недалёкий мужик, хранящий нож в тумбочке, не может быть хитрым подпольщиком. Если сегодня, до конца смены, за ним не придут, завтра можно будет убрать нож в тайник. Там уже хранится серьёзный запас холодного оружия.

Глава 3

Густав Миллер вышел из механического цеха и направился в свой небольшой кабинетик. Придя к себе, он поставил чайник, достал из шкафа печенье, сел за стол и задумался. Ну вот, что и требовалось доказать. Михаэль Светлоф, лучший карусельщик, из тех, что видел Густав за свою, не очень долгую жизнь, тайком делает нож. Судя по размерам и форме, которые успел разглядеть Миллер, пока тот не сунул клинок в рукав, совсем не простой, столовый ножичек, а явно боевой нож. Орудие убийства.

Значит, он был прав, когда говорил своим друзьям, что так вечно продолжаться не может. Всё равно рабочие, или рабы, как их называли некоторые, более радикально настроенные учёные, когда-нибудь восстанут. Так было всегда в истории человечества, многие империи канули в небытие, после восстания рабов. И сделать с этим ничего нельзя. Нет, можно, конечно позвонить в гестапо, они мгновенно отреагируют и схватят Михаэля. Возможно, в своих камерах, они вытянут с него ещё нескольких сообщников, даже скорей всего вытянут. Уж что-что, а пытать людей они научились.

Ну и что дальше? Ладно, замену карусельщику можно подобрать, либо передать его номенклатуру деталей в другой цех. Работа не остановится, но так же не прекратятся и попытки рабочих освободиться. В этом Густав несколько не сомневался, люди всегда будут бороться за свою свободу. Значит, опять будет литься кровь, и в итоге на базе никого не останется ни хозяев, ни рабов. К счастью ни он один так считал. Большинство молодых учёных были того же мнения. Надо что-то решать, многие так говорили. Однако пути решения проблемы у всех были разные.

Многие рассчитывали на успехи лаборатории генетики. Там, кстати, работала подруга Миллера Берта Фишер. Они пытались синтезировать вакцину подавляющую волю человека. То есть цель была получить послушного индивида. Он беспрекословно выполняет любые команды хозяина, при этом полностью счастлив и доволен жизнью. Ни о чём, кроме пищи не думает, а в идеале, ещё и способен размножаться. Производя на свет уже готовых, идеальных рабов.

Вначале Берта загорелась этой идеей. Пропадала сутками в лаборатории вместе со своим руководителем, профессором Максимилианом Беккером. Когда они перешли к фазе реальных опытов над людьми, она вся светилась надеждой. Она считала, что их вакцина поможет людям узнать, что такое счастье. Никаких волнений, забот, тревог. Делай свою работу и улыбайся, радуйся каждому дню. Когда завершилась серия опытов, Миллер случайно встретил девушку в коридоре и не узнал её.

Растрёпанная, с отчётливым запахом алкоголя, она брела, опираясь на стену, в сторону жилого сектора. Он подхватил её под руку и чуть не волоком проводил её до дома и, раздев, затолкал в душ. Спустя некоторое время, она вышла из душа, и закутавшись в большое полотенце, с ногами забралась на диван. Она сидела молча, уставившись в одну точку, потом тихо заговорила:

– Ты знаешь, как они кричали после инъекции? Я думала, ладно, ничего, новый человек всегда рождается в муках, профессор тоже так считал. Примерно двое суток продолжались конвульсии, потом они затихли, потеряв сознание. Вскоре давление и пульс пришли в норму, мы вздохнули с облегчением, процесс стабилизировался. Ещё сутки спустя все трое подопытных очнулись. Мы потирали руки, принесли пищу в палату, тогда-то у меня возникли первые сомнения. Понимаешь, они разучились есть. Не умели ни ложками, ни руками, они наклонялись над тарелками и хватали еду ртом как животные.

Она ненадолго замолчала, потом встала и, подойдя к бару, налила себе немного коньяка, а потом опять вернулась на диван и снова поджала под себя ноги.

– Густав, если хочешь, плесни себе сам, – сказала она, отхлебнув глоток из бокала.

– Спасибо Берта, мне ещё на совещание сегодня, к начальству идти, – отказался он, взглянув на часы.

– Мы пытались их научить пользоваться ложкой, – продолжила она, – но тщетно. Они оказались необучаемыми. Они также разучились говорить, стали гадить прямо в одежду. Несколько дней мы бились над ними, пытаясь научить хоть чему-нибудь. Учили буквы, звуки. Они даже не пытались повторять их за нами. Их пробовали наказывать, бить, не давать пищу, всё бесполезно. Даже ложкой работать мы не смогли их научить. Абсолютные растения, все трое, а ведь до инъекции, они были нормальными, здоровыми людьми, все рефлексы были в норме. Интеллект выше среднего, а мы превратили их в овощи. Сегодня Беккер принял решение их усыпить и кремировать, что зря продукты переводить. Мне так плохо Густав, я же хотела реально помочь этим людям, которых на базе тысячи.

Миллер позвонил начальнику и, сказав, что приболел, отпросился с работы до завтра. Остаток дня и ночь он провёл с Бертой, пытаясь её успокоить. После этого эксперимента девушка резко охладела к генетике и уже не боготворила своего шефа. Она по инерции продолжала ходить на работу, так как деваться с базы было некуда. Живыми от сюда никого не выпускали не инженеров с учёными ни пленных. Хоть и жили они в разных условиях, все они были заложниками обстоятельств.

Густав родился в небогатой семье учёного. Отец был помешан на науке. Он со школьной скамьи вечно пропадал по лабораториям. Именно в одной из них судьба свела его с молодой лаборанткой Эльзой, которая вскоре стала его женой. А через год на свет появился маленький Густав. Мама всегда говорила, что сама женила папу на себе, отбив его у науки. Но, когда Густав немного подрос, всё же уступила сопернице и принялась ассистировать папе в его изысканиях. А мальчик, чаще был с няней, чем с родителями.

Когда к власти в Германии пришёл Гитлер, отца неожиданно арестовали. Оказалось, несмотря на свою любовь к науке, он ещё всегда любил справедливость, и ещё в молодости вступил в коммунистическую партию. Папа попал в один из первых концентрационных лагерей, созданных по приказу фюрера. Мама вначале оббивала пороги различных учреждений, пытаясь отстоять честь мужа, но всё было тщетно. В стране фашизм набирал силу, вначале поднял голову, а теперь старался твёрдо встать на ноги. Из лагеря отец так и не вышел, вскоре после начала второй мировой войны, почтальон принёс к ним в квартиру казённую бумагу. В ней говорилось, что их отец и муж скончался в лагере от пневмонии и похоронен на соседнем с лагерем кладбище.

Густав к тому времени уже учился в институте и тоже всерьёз интересовался наукой. Но в отличие от отца его не очень интересовала наука в чистом виде. Он хотел стать практиком, учёным и инженером одновременно. Очень интересовался авиацией, как и покойный отец, пропадал в лабораториях, своими руками изготавливая различные модели. Несмотря на печальную участь отца его никто, не притеснял, наоборот профессор в институте взял над ним опеку и всячески помогал парню. Даже сумел пробить ему повышенную стипендию.

После окончания института его сразу взяли в конструкторское бюро одного из секретных заводов, который по слухам курировала таинственная организация Аненербе. К этому времени, мама уже год как умерла, молодой учёный закрыл пустую квартиру, приехал на предприятие и с головой окунулся в работу. Как и все сотрудники, он жил под землёй в жилом секторе, лишь в выходной разрешалось поехать в соседний небольшой городок и немного расслабиться. Посидеть в баре или навестить подружку у кого есть. Но вскоре он и в выходные перестал покидать завод. Уже начались испытательные полёты нового образца дисколета, и он предпочитал в них участвовать, чем бесцельно сидеть в баре, а подружки у него не было.

Они так и не смогли закончить работу. Русские войска вторглись на территорию Германии, и их завод срочно начали готовить к эвакуации. Сотрудникам и учёным предложили добровольно сделать выбор. Ехать с заводом на другой континент на новую секретную базу

и продолжить работу, или остаться в Германии и ждать войска большевиков. Силой никого не принуждали, так как поездка планировалась в один конец. Нет, конечно, господа в военной форме говорили о создании четвёртого Рейха и новой освободительной и победоносной войне. Но Густав, да и другие не очень прислушивались к этому бреду.

Молодого человека, прежде всего, интересовала его работа и возможность продолжить её. Семьи у него не было, близких родственников тоже, поэтому он, не раздумывая, согласился на переезд. Вообще, молодёжь с их предприятия в большинстве поехала с заводом, лишь немногие отказались. Из старшего поколения инженеров, наоборот осталось большинство. Через пару месяцев, он спустился по трапу с огромной подводной лодки в величественном подземном гроте Антарктиды. Нет, конечно, он потом поднимался на поверхность и даже на вездеходе удалялся от базы вглубь ледяного континента.

Им, вновь прибывшим, организовали небольшую экскурсию по снегам Антарктиды. Кое-где и правда, были живописные места. Снег и лёд блестели под солнечными лучами как миллионы и миллиарды бриллиантов. Но, он не очень любил зиму, и поэтому ему не понравилось. Под землёй было лучше. Тепло, уютно, и кроме того его здесь ждала любимая работа, которая до недавнего времени заменяла ему всё на свете. Да и сама база поражала своими размерами. Им, новичкам, провели ознакомительную экскурсию, но за один раз изучить и запомнить все переходы и помещения базы, было просто не реально. Ещё долго он продолжал путаться в этих коридорах.

Старожилы базы рассказывали, что систему соединённых между собой пещер с тёплым воздухом обнаружила экспедиция Альфреда Ричера, которая в декабре 1938 года отправились из Гамбурга на корабле «Швабия». Вообще Антарктида интересовала немцев давно. Ещё с конца девятнадцатого начала двадцатого века сюда отправлялись различные экспедиции, но когда к власти пришёл Гитлер, исследование ледяного континента вышло на новый уровень. Когда в апреле 1939 года Ричер вернулся в Германию, его сразу же проводили к фюреру.

С 1939 года между Антарктидой и Германией начались регулярные рейсы. Завозилось горнопроходческое оборудование и другая техника, в том числе рельсовые дороги, вагонетки и небольшие паровозы, а также огромные фрезы для проходки туннелей. В Германии ускоренно были построены несколько огромных подводных лодок, основная задача которых была скрытно перевозить большое количество груза, ну и людей конечно. На строительстве базы в основном использовался труд военнопленных, которых сюда завозили тысячами.

Естественно, труд под землёй был весьма не лёгок и очень опасен, поэтому и смертность пленных была огромной. Пришлось даже построить крематорий, чтобы сжигать трупы, а зола использовалась как удобрение на подземных плантациях. Под землёй активно развивалась целая колония. Были заводы, развивалось животноводство и сельское хозяйство. Везде использовался бесплатный труд пленных и даже не всегда бывших военных. Немецкие военные активно вывозили с оккупированных территорий и мирное население, особенно молодёжь. Новая Швабия за годы войны перемолола гораздо больше пленных, чем все остальные лагеря вместе взятые.

Именно в этот подземный Вавилон и приехал Густав со своим заводом. Они очень быстро смонтировали оборудование, благо недостатка в рабочей силе не было. Работа шла круглосуточно, пленные трудились в две смены по двенадцать часов, без выходных, правда кормили их вполне прилично. Необходимо было сохранять их работоспособность как можно дольше, так как война заканчивалась и больше поступлений дешёвой рабочей силы ждать не приходилось. У кого-то из руководства, даже возникла идея создать для рабов публичный дом. Естественно, без всякой контрацепции, чтобы они могли размножаться. Детей, потом, забирать в специальные детские учреждения, где из них будут вырастать новые поколения готовых рабов.

Но идея не прижилась. Решили, что это очень долго и затратно. Большинство власть имущих считали, что надо, как можно быстрее, создать сверхмощное оружие и начать новую,

на этот раз точно, победоносную войну. Тогда опять недостатка в рабах не будет. И Германия, наконец, будет править всем миром. Именно поэтому, заводам, которые занимались программой «летающих дисков» уделялось огромное внимание. Им всегда выделялось необходимое количество рабочих рук и всех остальных ресурсов. Именно здесь на базе Густав и его друзья довели своё детище до ума.

Ещё на большой земле, включившись в этот проект, молодой учёный, не переставал удивляться, читая техническую документацию. Текст был явно переведён с какого-то иностранного языка. Местами встречались совсем непонятные слова, которым переводчик видимо не нашёл аналогов в немецком. Старшие товарищи объяснили ему, что текст составлен по древним манускриптам, найденным в Антарктиде. В них описывались такие технологии и технические решения, о которых современная наука не имела ни малейшего представления.

Не сразу, но немецкие специалисты смогли разобраться в большинстве текстов и суметь применить их к сегодняшнему дню. Постепенно стала вырисовываться картина будущего летательного аппарата. Параллельно шли работы и по световому, высокотемпературному оружию. Очень помогли работы австрийского физика Карла Шапеллера, который работал в области левитации. Изобретение капитана Ганса Коллера, вообще было прорывом. Его установка, позволяла неограниченно черпать энергию из окружающей среды.

Первые летающие диски были весьма примитивны. Пять-шесть метров в диаметре, колпак из плексигласа в котором помещался пилот. Они с трудом отрывались от земли и медленно перемещались над аэродромом. Часто случались аварии, бывало даже, что гибли пилоты, но руководство и лично Гитлер настаивали на продолжении работы над проектом. К тому времени, когда Густав окончил институт, и попал на работу в КБ, в войне уже произошёл перелом. Доблестная немецкая армия отступала по всем фронтам, американцы открыли второй фронт. Конец войны был вполне очевиден и предсказуем.

Возможно, именно поэтому фюрер хватался за дисколёт как утопающий за соломинку. Когда, наконец, диски поднялись в небо и кое-как смогли совершить полеты, не закончившиеся аварией, Гитлер поехал хвастаться к своему союзнику Муссолини. Кстати итальянские учёные тоже активно работали над этим проектом. Но если честно, на тот момент результаты работы были очень скромными. Изготовленные диски не могли даже соперничать с современными самолётами. Все усилия пилота уходили на то, чтобы удержать летательный аппарат в равновесии и не допустить аварии.

Конечно, Густав был немцем, но он не очень задумывался над идеями фюрера о мировом господстве, исключительности немецкой расы и прочей ерунде. Его интересовала только наука, причём не фундаментальная, а имеющая практические результаты, которые можно было потрогать руками и увидеть глазами. А когда отец сгинул в лагере, организованном национал-социалистами, он совсем перестал, даже минимально, поддерживать идеи правящей партии. Он не боялся приближения русских, в армии он не служил, а учёные и инженеры нужны любой власти. Но как истинный немец, он во всём был педантичен, в том числе в работе, которую нужно было закончить. Наступающие русские войска, этому мешали.

Именно поэтому, он в то время несколько раз срывал досаду на русских пленных, с которыми сталкивался по работе. Нет, конечно, он их не бил, всего лишь грубо и на повышенных тонах разговаривал. Хотя, в глубине души, он понимал, что они этого не заслуживали. Никто из них не пришёл на эту работу добровольно, как он, их привезли силой. Тем не менее, большинство из них были очень хорошими специалистами. Они изготавливали достаточно сложные детали. Для него было удивительным, что рабочие разговаривали с немцами как с равными. Не подобострастно, как рабы с хозяевами. Иногда, они, даже делали замечания по чертежам, если в них были неточности.

Особенно этим отличались русские, которых впрочем, было на их заводе, а потом и на базе в Антарктиде абсолютное большинство. У них всегда присутствовало чувство соб-

ственного достоинства, какая-то национальная гордость. Когда он пытался им грубить и придирается по мелочам, они не оправдывались, не огрызались. Рабочие, как-то печально смотрели на него, как на расшалившегося ребёнка. Вскоре, он понял всю глупость и несостоятельность своего подобного поведения и вновь стал вести себя с ними ровно, как с партнёрами.

Здесь на базе 211, дела по проекту летающих дисков пошли значительно лучше. Временами Густав не мог понять, почему те же образцы, которые в Германии едва отрывались от земли, здесь, в Антарктиде легко взмывали в небо. В этом была какая-то мистика. Впрочем, читая переводы с древних текстов, он уже перестал чему-либо удивляться. Некоторые вещи просто нельзя было объяснить с точки зрения современной науки. Та же энергия, которую силовые установки могли брать из окружающей среды, как это можно было объяснить? И, тем не менее, это работало.

Вначале молодой учёный пытался докопаться до сути происходящих вещей, но безуспешно. Потом плюнул на это дело, и просто принимал некоторые вещи как должное, как некую аксиому. Сразу стало легче работать. Есть некоторые неизвестные силы, которые могут то-то и то-то, а тебе нужно просто это использовать применительно к своему проекту. Большинство молодых учёных, с которыми он общался, поступали точно также. Кстати, не только их проект с дисками получил, здесь в Антарктиде вторую жизнь. Другие направления науки, которые были на Родине в вялотекущем, зачаточном положении – здесь неожиданно выстрелили и стали стремительно развиваться.

Они построили новые дисколёты, которые уверенно держались в воздухе, легко разгонялись до двух тысяч километров в час. Диски могли свободно перемещаться и под водой, хотя и с меньшей скоростью. Размеры их были немного больше, чем у первых образцов, кабина легко вмещала двух пилотов. Один целиком занимался управлением, а другой в это время мог вести огонь из всех орудий. Корпус корабля изготавливался из жаропрочного, очень прочного сплава, который также смогли получить только здесь на базе, хотя начинали над ним работать ещё в Германии.

Колпак из плексигласа, который использовали на первых образцах, уступил место цельнометаллической кабине с небольшими круговыми иллюминаторами. Пуленепробиваемое, жаропрочное стекло для них тоже удалось получить только здесь. На дисколёт устанавливалось лучевое оружие, оно легко разрезало броню танка или корпус корабля. Конечно, для его работы нужна была куча энергии, но конвертор Колера творил чудеса. В общем, они сделали очень грозное оружие, аналогов которому не было ни у кого в мире, и скорей всего долго ещё не будет.

Военные потирали руки, по их планам по захвату мира, оставалось просто изготовить много подобных аппаратов и можно начинать третью мировую войну. Параллельно велись работы и по созданию ядерного оружия. По планам верхушки военных, некоторые страны нужно было просто уничтожить навсегда, если их территории не представляли большой ценности. Но, в отличие от других проектов, которые успешно развивались, этот почему-то застыл, после эвакуации учёных на базу 211. Те же самые люди, которые на Родине, вплотную приблизились к тайнам атома, здесь откровенно забуксовали.

Густав общался со многими молодыми физиками, которые бились над этим проектом, те никак не могли объяснить происходящего. Вроде делали всё, как дома, те же эксперименты и расчёты, но результаты были обратными. Гестаповцы рыли носом землю, подозревая заговор. Некоторые учёные были арестованы, их подвергали допросам с пристрастием. Впрочем, стараясь не калечить, так как замену им взять было негде, но ничего узнать не удалось. Густаву и самому не верилось, что так может быть – в Германии одно, а здесь другое, но, естественно он не высказывал свои мысли вслух. Про себя решив, что это дело учёных – двигать свой проект вперёд или остановить. Ему хватало и своих забот, чтобы долго ломать голову над чужими.

Неожиданно и с их проектом, с их детищем – дисколётом, возникли проблемы. При очередном испытательном полёте, когда отрабатывался маневр на максимальной скорости, новейший экземпляр потерпел крушение. В ста километрах от береговой линии он упал в воду и затонул, при этом связь с экипажем прервалась вместе с падением, хотя до этого работала исправно. Сопровождающий его на некотором расстоянии второй дисколёт, попытался прийти на помощь, но неожиданно его пилот заметил, что приборы вышли из строя, а силовая установка начинает останавливаться. Испугавшись затопления, лётчик мгновенно ушёл в поворот и направил аппарат в сторону берега. Как только он начал приближаться к береговой полосе, приборы пришли в норму, а силовая установка вновь набрала обороты.

Доложив по радию о случившемся, пилот уже на минимальной скорости стал вновь приближаться к месту катастрофы. Как только он приблизился к определённому месту, сбой в оборудовании дисколёта вновь повторился. Он снова двинулся к берегу – всё пришло в норму. Зафиксировав координаты аномалии, он не стал больше искушать судьбу и вернулся на базу.

На помощь затонувшему аппарату, немедленно была направлена подводная лодка. Район падения был тщательно исследован и при помощи локатора на дне был обнаружен упавший дисколёт. Однако глубина океана в этом месте не позволяла подводной лодке достигнуть дна, слишком глубоко. Экипаж упавшего аппарата скорей всего был жив, так как дисколёт был полностью герметичен и легко мог передвигаться под водой. Однако на связь они не выходили, а запас воздуха у них был всего на несколько часов. Аппарат и не старались по максимуму заправлять кислородом, потому что по времени испытательный полёт уже должен был закончиться.

Приняли решение отправить на выручку затонувшего, другой дисколёт в подводном положении. Он мог погрузиться на эту глубину и попытаться зацепить утопленника манипулятором. Помня о наличии на поверхности непонятной аномалии, выключающей приборы, дисколёт стал медленно приближаться к зоне катастрофы под водой. Неожиданно, приборы, также как и наверху стали один за другим отключаться, силовая установка резко потеряла мощность. В наушниках возник сплошной треск помех. Пилот, пользуясь ручным управлением, и оставшейся мощностью силовой установки медленно начал пятиться назад. Через некоторое время связь восстановилась, а спустя минуту заработали приборы и всё остальное.

С базы поступила команда, очень осторожно, повторить попытку сблизиться с упавшим объектом. Пилот снова двинул дисколёт вперёд, примерно в том же месте всё повторилось. Всем стало ясно, что загадочная аномалия распространяется и на подводное пространство. Дисколёт ни с чем вернулся на базу. Пилоты вышли из кабины и, не говоря ни слова, направились к себе в кают-компанию. Лица их были мрачнее тучи. Даже руководитель полётов, который возглавил спасательную операцию, не осмелился им что-то сказать.

Вся команда причастная к проекту испытывала подобные чувства. Глубоко под толщей воды, их товарищи медленно задыхались от своего же углекислого газа, а они ничем не могли им помочь. Уж лучше бы они мгновенно разбились при падении, но прочный корпус практически исключал это. Вскоре вся база 211 узнала о происшествии. Выдвигались разные способы спасения, порой совсем фантастические, но, тем не менее, аппарат и его экипаж спасти не удалось. Через сутки все работы были прекращены – кислород в упавшем дисколёте давно закончился. Густав хорошо знал погибших пилотов, они были с завода, где он начинал работу над проектом.

Через несколько дней учёные приступили к исследованию аномалии. Пытаясь определить её границы, чтобы избежать повторения трагедии, дисколёт начал двигаться вдоль береговой полосы время от времени отдаляясь от берега, до момента начала сбоя приборов. Аномалия тянулась и тянулась, ей не было конца. У кого-то возникла идея пересечь континент и попробовать с другой стороны. Сказано сделано. На максимальной скорости дисколёт пересёк Антарктиду и осторожно стал отдаляться от берега в сторону океана. При достижении

примерно стокилометровой отметки от побережья – сбой повторился. Ещё несколько попыток в разных местах и вывод стал очевиден – аномалия окружает весь ледяной континент.

Попробовали преодолеть это кольцо, набрав максимальную высоту, хотя для данной силовой установки такого понятия не существовало. По расчётам дисколёт мог свободно выходить в стратосферу, а при соответствующей доработке и дальше в мезосферу, термосферу, экзосферу и наконец, в открытый космос. Но всё оказалось гораздо печальнее. При достижении высоты десяти километров – приборы также отключались как вблизи аномалии. Дисколёт начинал стремительно терять высоту, приборы вновь включались. Самое интересное, что это происходило уже не только над поверхностью океана, но и над самим континентом. В любом месте очерченного аномалией кольца, пилоты не могли поднять аппарат выше десяти километров.

Вывод напрашивался сам собой что-то или кто-то удерживал их дисколёт внутри огромной сферы, накрывающей континент Антарктида. Когда всё это, наконец, дошло до вояк, мечтавших уже через пару лет развязать новую бойню, чтобы на этот раз навсегда уничтожить большевиков и СССР – наступила катастрофа. Была выпита большая часть спиртных напитков, привезённых на базу с материка, некоторые офицеры в пьяном угаре застрелились. Тяжело терять надежду. Среди учёных такого не было, им было над чем работать, многие взялись за исследование аномалии. Густав продолжал совершенствовать своё детище, хотя и не так рьяно как раньше.

Но причина некоторого охлаждения к работе не была связана с таинственной аномалией, а скрывалась здесь на базе. Густав банально влюбился. Берта смогла потеснить в голове молодого учёного бесконечные чертежи и схемы. Теперь он редко задерживался на работе, предпочитая пойти с девушкой в столовую жилого сектора, где по вечерам работало, что-то вроде небольшого кафе. В углу просторного помещения была сделана барная стойка, где можно было взять кофе, сок, а по вечерам наливали даже алкогольные напитки. Оно было вроде клуба для молодёжи, занимающейся на базе наукой. Он и до знакомства с Бертой знал про это место, но тогда практически не заходил сюда, как-то не было времени. Теперь же он стал завсегда-таем, у него появилось множество друзей из всех отделов и предприятий базы.

Берта тоже любила сюда ходить, здесь можно было неплохо поужинать, немного выпить, потанцевать, а главное пообщаться. Именно здесь, они узнали от горного инженера Пауля Шнайдера, занимавшегося прокладкой новых тоннелей и расширением базы, что у них тоже возникли проблемы. Неожиданно проходчики наткнулись на какой-то чёрный монолит, который не могли взять даже очень прочные фрезы. Его попытались взорвать – бесполезно. Ломались любые буры, в том числе алмазные. Попробовали обойти стороной, опять вышли на такой же монолит.

Всё это очень напоминало их аномалию, которая была непреодолимым препятствием для дисколётов. Вывод – что-то не пускало их и под землю, ограничив базу в размерах. Молодые учёные с жаром обсуждали эти новости. Получалось, они не были полностью свободны в своих действиях, хотя подводные лодки легко проходили через аномалию. При желании на них можно было покинуть Антарктиду, но плыть им было особо некуда, да и большинство из них были фанатами своей работы. А работать здесь им никто не мешал, пусть даже все их открытия и достижения никогда не смогут покинуть Антарктиды.

Именно поэтому среди них и стали возникать разговоры как устраивать свою жизнь дальше. Как мирно сосуществовать с пленными рабочими, которых на базе было гораздо больше чем немцев. Когда эксперимент генетиков провалился, стало понятно, что проблему нужно как-то решать. Если поднимется восстание пленных, база утонет в крови. Естественно вояки никогда не смогут пойти навстречу пленным, да и те вряд ли простят им недавнюю войну. Оставалось одно, пойти на переговоры с пленными и попытаться как-то разрядить ситуацию, попробовать договориться и сделать это должны именно учёные и в первую очередь

молодые. Которые никак не принимали участия в недавней бойне, называемой второй мировой войной.

Может, удастся выторговать жизнь не только себе, но и воякам, хотя бы молодым. На базу 211, было эвакуировано большое количество молодёжи из «Гитлерюгенд» и «Союза немецких девушек». Они никогда не принимали участия в боевых действиях. Густав взглянул на часы, его рабочий день подходил к концу. Нет, он не пойдёт в гестапо, не будет докладывать о виденном ноже. После работы он зайдёт за Бертой, и они отправятся в их кафе, сегодня нужно конкретно поговорить с друзьями. Пока вояки продолжают заливать спиртным свои несостоявшиеся мечты о мировом господстве, необходимо налаживать жизнь здесь и сейчас.

Глава 4

На сегодня были назначены стрельбы. Первым, по выставленным ещё с вечера мишеням на заснеженных холмах, должен был отстреляться эсминец «Мэрдок». По разговорам техников Джордж понял, что на нём установлено какое-то новое экспериментальное орудие. Да и снаряды были новейшей разработки. На палубе авианосца собралась достаточно большая толпа. Хоть какое-то развлечение. Вообще экспедиция проходила до ужаса скучно. Нет, конечно, самолёты взлетали регулярно, но в основном гидросамолёты. Они всё время, что-то искали на континенте, постоянно фотографируя. Истратили наверно уже несколько десятков километров плёнки.

Джордж на своём истребителе поднимался в небо Антарктиды всего один раз. Поднялся, пролетел кружок над снежными просторами и вернулся на авианосец. Это было еще, когда они стояли в заливе Китов, у базы Little America IV. Сейчас они обогнули часть ледяного континента и бросили якорь у берегов Земли Королевы Мод. Ему было совсем непонятно, зачем в состав экспедиции включён этот монстр. Работы для военных лётчиков, а тем более истребителей, здесь не было. Чтобы убить время, он вместе с большей частью команды поднялся на палубу и смотрел, как маневрирует эсминец, занимая исходную позицию для стрельб.

Наконец эсминец замер на исходной позиции, в бинокль было видно, как артиллеристы расчехляют орудие, снимают заглушки. Вот стволы орудия задвигались, наводясь на цель. Несколько мгновений и вот, наконец, залп. Взрывы взметнули снег, лёд и частицы грунта за мишенями, не причинив им никакого вреда. Несколько минут на корректировку и перезарядку и вот новый выстрел, на этот раз снаряд попал в мишень, в бинокль было видно, как в разные стороны полетели обломки досок.

Народ на палубе авианосца одобрительно загудел, кто-то даже крикнул «Молодцы!», хотя на таком расстоянии артиллеристы вряд ли могли слышать. Ещё несколько минут тишины и вновь грохот выстрела. Вторая мишень разлетается обломками дерева. Снова гул одобрения, собравшейся на палубе авианосца толпы зрителей. Некоторые матросы заключали пари, перед началом стрельб. Сейчас, после поражения второй мишени, требуют от проигравших своего выигрыша, те в свою очередь настаивают на окончании стрельб.

Джордж продолжал в бинокль смотреть на мишени ожидая следующего выстрела. Внезапно из воды, недалеко от берега, вынырнул дискообразный предмет и, оторвавшись от поверхности воды, стремительно набрал высоту, около километра. Следом за первым вынырнул второй и в точности повторил маневр первого. Зависнув на месте на несколько секунд, диски с огромной скоростью понеслись к эсминцу «Мэрдок». Люди на палубе авианосца замерли, открыв рты, наступила тишина. Это было настолько неожиданно и фантастично, что даже самые говорливые не могли подобрать слов.

Несколько секунд и диски достигли эсминца. Немного снизив скорость, они с разных сторон пролетели над ним, одновременно посылая в корпус корабля тонкие световые лучи, чуть зеленоватого цвета. Джорджу в бинокль хорошо было видно, как под этими лучами вспыхивает палуба эсминца, как он с лёгкостью прожигает толстый металл. Он впал в ступор, что за ерунда, это, что сон. Видимо люди на «Мэрдоке» тоже не сразу поверили в происходящее. Но им вскоре пришлось очнуться от ступора – корабль уже горел, были и убитые, которые попали под световой луч.

На эсминце заработали зенитные орудия, посылая вслед дискам снаряды. А те, не снижая скорости, совершенно синхронно заложили виражи, и вновь понеслись к эсминцу. Не понятно попадали в них зенитчики или нет, но на их полёте это никак не отражалось. Опять к кораблю протянулись лучи света, сжигая всё на своём пути. Оба зенитных орудия, которые смогли

открыть огонь, были уничтожены. На эсминце творился настоящий ад. Горящие люди, обезумев, прыгали за борт, пытаясь спастись в ледяной воде.

Наконец всеобщий ступор закончился, и по летающим дискам открыли огонь и с других, ближайших к «Мэрдоку» кораблей. Причём, стреляли из всего, что было. На авианосце тоже началось движение, заревел сигнал тревоги. Дежурное звено истребителей, находящееся на лётной палубе уже взмывало в воздух. Лифты поднимали и другие самолёты. Скинув с себя оцепенение, Джонсон кинулся к поднимаемым на палубу самолётам. В голове проносились действия по тревоге, его эскадрилью должны были поднять в первую очередь.

Тем временем летающие диски оставили в покое эсминец, который уже заметно осел в воду, продолжая гореть. Они с такой же сумасшедшей скоростью начали носиться над остальными кораблями эскадры. Видимо, они больше не старались уничтожить корабли полностью, лишь подавляли зенитные орудия, которые вели по ним бешеный огонь. Это им удавалось довольно легко, создавалось впечатление, что они просто играли с кораблями эскадры как кот с мышью. Отрабатывали свои навыки в стрельбе, или просто соревновались друг с другом.

Так играючи, они уничтожили почти все средства противовоздушной обороны. Джонсон, пока бежал к самолётам, видел, как луч с диска скользнул по ближайшему зенитному пулемёту, превращая его в кучу оплавленного железа. Попутно под луч попала рука здорового негра артиллериста, который был бессменным чемпионом авианосца по армреслингу. Мгновенье, и отсечённая рука падает на палубу, а артиллерист валится в противоположную сторону. Он ещё жив и к нему кидается напарник, на ходу доставая индивидуальный пакет, хотя бинт здесь вряд ли поможет.

Наконец, Джордж влетает в кабину своего самолёта, но полоса ещё занята, да и двигатель ещё не вышел на взлётный режим, температура вверх ползёт слишком медленно. Он сквозь фонарь наблюдает за разворачивающимся в воздухе сражением. Хотя какое тут сражение, если честно. Какое-то избиение младенцев. Диски мечутся между нашими самолётами подобно ястребу среди жирных голубей. Только, что были здесь и уже за пару километров, зависают на долю секунды и двигаются назад и вверх. Могут уйти вертикально вверх или вниз с огромной скоростью.

Опять начинается какая-то игра дисков с нашими самолётами. Они снуют между ними, попутно выпуская короткие лучи. Лишь иногда наши самолёты вспыхивают как свечи, а в основном пилоты дисков, как будто издеваясь, или тренируясь в меткости, отсекают своими лучами небольшие куски наших самолётов. То кусок крыла, то немного киля срежут, то часть стабилизатора. Если самолёт отваливал в сторону, и уходил из боя, его никто не преследовал, а если пытался ещё раз достать диск, его срезали окончательно. Он либо вспыхивал и взрывался, либо с отрезанным полностью крылом или хвостом камнем падал в ледяную воду.

Пока Джордж ожидал взлёта, как минимум пять самолётов были сбиты. Наконец подошла его очередь на взлёт. Короткий разбег и он взмыл в небо, и краем глаза заметил летящий к нему диск. Продолжая набор высоты, заложил вираж влево, уходя с линии полёта диска. Второй диск был далеко в стороне. Диск промелькнул под его самолётом, походу выпустив в него короткий луч, который прошёл в полуметре от консоли крыла.

Не прекращая подъёма, он скосил взгляд вниз и увидел, что эсминец уже серьёзно погрузился в воду. К нему на помощь спешили лодки с соседних кораблей, некоторые уже отчаливали от «Мэрдока», эвакуируя команду. Джонсон заложил мёртвую петлю и практически точно вышел на летающий диск сверху. Под очень крутым углом он понёсся на врага, скорость пикирования была максимальной. Как только быстро увеличивающийся в размере диск попал в перекрестие прицела, он нажал на гашетку. С такого расстояния и в такую большую металлическую шляпу он просто не мог промахнуться, тем более диск как обычно на секунду завис на месте.

Лётчик увидел, как трасса его снарядов ударяется в какую-то невидимую преграду. Нет, конечно, он не мог видеть сами снаряды в полёте. Он увидел, как они проявляются возле диска, как будто погружаясь во что-то вязкое. Буквально останавливаются на месте, и скатываются по невидимой поверхности, не касаясь корпуса диска. Это было так необычно, что он, заглядевшись на это чудо, едва успел отвернуть от стремительно надвигающегося диска и начал выводить самолёт из пике. С большим трудом он вывел свой истребитель в горизонтальный полёт уже возле самой воды, так как тот набрал сумасшедшую для него скорость. Едва не касаясь гребней волн, стал удирать в сторону берега.

А удирать действительно было пора, бросив взгляд, на оставшийся вверху и сзади диск, он заметил, что тот начал движение в его направлении. Что началась охота за ним, Джонсон уже не сомневался, так как больше в небе самолётов не наблюдалось. Ещё вытаскивая машину из пике, он краем глаза заметил, как в ледяную воду упали последние две машины. Видимо, поднимать новые самолёты начальство не стало, видя всю тщетность этих попыток. Конечно, по-настоящему удрать от летающего диска Джордж не мечтал, оценив их скорость перемещения.

Но жить всё-таки хотелось, а ещё ужасно не хотелось падать в ледяную воду, может его и успеют вытащить, но надо ещё суметь выбраться из самолёта, а то так и уйдёшь на дно, вместе с «Bearcats». Он, не отрываясь от поверхности, и отчаянно петляя, как заяц, устремился в сторону континента. Как не странно, диск не стал снижаться, приближаясь к нему, да и скорость не увеличивал. Летел, не сокращая расстояния. Но оборачиваться, и задира́ть голову, было некогда Джордж отчаянно маневрировал. Вот слева мелькнул луч, едва не зацепив крыло, он тут же кинул машину вправо и сразу опять влево. Справа блеск луча, но самолёт по-прежнему цел и управляем. Пилот диска явно играл с ним, как сытый кот.

До берега уже было не так много и Джордж начал выполнять многократную бочку, чуть поднявшись от поверхности океана. Серые волны и такое же пасмурное небо быстро менялись местами друг с другом. Стрелял диск или нет, он не видел, но самолёт по-прежнему был цел. Когда в очередной раз вместо стальных волн промелькнула снежная поверхность, он выровнял самолёт и быстро оглянулся. Диск был на том же расстоянии, только немного ниже. Едва успев повернуть голову, Джордж краем глаза заметил вспышку. Самолёт тут же затрясло, ручка управления буквально вырывалась из рук. Чисто машинально, не задумываясь о том, что делает он, выключил двигатель и потянул ручку на себя. Вибрация заметно уменьшилась, а вскоре и совсем стихла. Когда пропеллер начал останавливаться, он заметил, что одна лопасть немного короче остальных. Видимо, её подрезал луч с диска, больше, похоже, ничего не пострадало. Самолёт с трудом, но управлялся.

Высота была небольшая, поэтому планировать, долго не придётся. Джордж быстро оценил пронесшуюся под ним поверхность и начал готовиться к жёсткой посадке. Двигатель уже не работал, он начал снижать скорость, насколько это было возможно. Всё же посадка получилась не очень, не хватило высоты. Самолёт внезапно клюнул носом, воткнулся в снег и перевернулся. Ещё при первом ударе лётчика выкинуло через отлетевший фонарь, он перелетел через заснеженный бугор и глубоко погрузился в снег.

Наверное, Джордж ненадолго потерял сознание, потому что когда он открыл глаза, за бугром поднимался чёрный дым от горящего самолёта. Он попробовал пошевелиться, но спину пронзила резкая боль, он даже язык прикусил от неожиданности. Когда боль поутихла, он задумался. Травма позвоночника, однозначно, а если перелом. Если перелом, то тебе конец капитан. А если просто сильный ушиб? А какая разница, куда ты денешься с этого ледяного материка. А вдруг с авианосца отправят спасателей. А вот это уже под большим вопросом. Безусловно, падение самолёта они видели, но он тут же вспыхнул и до сих пор горит. Как его выбросило, за этот чёртов бугор, они вряд ли заметили. Отсюда вывод – лётчик погиб в огне, так, что спасать некого.

А если учесть, что сегодня они потеряли не меньше десяти самолётов, эсминец, да и другие корабли пострадали от атак дисков и неизвестно, что от этих летающих бестий ждать дальше. Что бы ты сам, капитан Джонсон, предпринял в таких условиях на месте контр-адмирала Крузена? Правильно, как можно быстрее отводил корабли от этого белого континента, так как противопоставить летающим дискам им было нечего. Даже эти два образца способны легко уничтожить всю эскадру, а если вынырнут ещё несколько, то всё просто закончится ещё быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.